

Ю.А. Зуляр, Ю.В. Латов

ОТЯГОЩЕННЫЕ «СИБИРСКИМ БРЕМЕНЕМ»?

Чем больше времени проходит с начала радикальных реформ 1990-х гг., тем большее недоумение вызывают довольно скромные успехи российской экономики и напряженная социально-политическая ситуация в стране. Естественной реакцией на эти явления становится появление публицистических и научных работ отечественных и зарубежных авторов, которые ищут ответа и находят причины и виноватых. В ряду подобных исследований находится книга американских экономистов Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди «Сибирское бремя», несколько лет назад переведенная на русский язык*.

Основное содержание этой книги лаконично изложено в ее последнем абзаце: «В настоящее время освоение ресурсов Сибири обходится слишком дорого. Предприятия вне топливно-энергетического сектора не способны получать прибыль, достаточную для того, чтобы платить высокие зарплаты, привлекающие новых работников или удерживающие наличную рабочую силу. Вместо этого людей удерживают с помощью административных, нерыночных механизмов, не предоставляя им возможность уехать. Сибирь, по существу, «держится» за счет сохранения системы ГУЛАГа в ее смягченной форме, которая сначала заставляла людей отправляться на работу в Сибирь, а затем насильно их там удерживала» (С. 240).

Как положительный момент этой книги, следует отметить, что она читается с большим интересом. Многим российским экономистам следовало бы поучиться у Ф. Хилл и К. Гэдди широте охвата проблемы и стилю изложения. Однако содержание

* Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России / пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. — Режим доступа: <http://www.obraforum.ru/Siberia.htm>.

этой книги, к сожалению, дает гораздо меньше поводов для восхищения**.

Доказывая свою точку зрения, авторы «Сибирского бремени» рассматривают сложный клубок проблем освоения северных и азиатских территорий России. Не претендуя на комплексный разбор позиции Ф. Хилл и К. Гэдди, остановимся лишь на сюжетах, связанных с экономической историей.

Миф об уникальности сибирских морозов. Главной причиной нерентабельности Сибири Ф. Хилл и К. Гэдди считают холод. Третья глава «Сколько стоит холод?» целиком посвящена последствиям неблагоприятного влияния холодов на эффективность экономики Сибири.

Для анализа влияния холода на условия жизнедеятельности авторы «Сибирского бремени» предложили оригинальный показатель — температура на душу населения (ТНД). В США этот показатель составляет примерно 1°C , в Канаде начала 1930-х гг. — около -10°C , а в России 1920-х гг., до начала широкомасштабного освоения Сибири, — примерно $-11,5^{\circ}\text{C}$. Если «российская ТДН в советские времена постоянно снижалась и понизилась на целый градус к 1989 г.», то «канадская ТДН за тот же период возросла более чем на градус» (С. 51). Дальше идет много-много цифр об «уникальных сибирских морозах» и о том, как трудно на таком холоде работать и просто жить.

На наш взгляд, обилие цифр, приводимых американскими экономистами, не привносит ничего нового в общеизвестный факт, что Сибирь имеет довольно холодный климат. (А кто в этом сомневается?) Настолько же известны недостатки избыточно жаркого, засушливого или влажного климата, последствий землетрясений, регулярных цунами и тайфунов, обрушивающихся на океанские побережья и затапливающих целые города (даже в США). Эта проблема давно известна, имеется достаточное количество технологий, снижающих негативные последствия морозов. Вся история

** В нашей стране рецензируемая книга подверглась справедливой критике еще до появления русского перевода. В частности, на страницах журнале ЭКО в 2004–2005 гг. прошла целая дискуссия по этой книге. См., например: Мельникова Н.В. Ревнивый взгляд из-за рубежа // Восток. 2004. № 8 (20). — Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_548.htm; Мельникова Н.В. А была ли дискуссия? // ЭКО. 2005. № 12. — Режим доступа: http://econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/2005_12/Melnikova.htm.

цивилизации — это борьба человечества с тяжелыми природными условиями, и человечество справляется с этими проблемами все более успешно. В связи с истощением легкодоступных ресурсов уходить за ними приходится не только в северные районы, но и под землю, на воду и под нее. Ведь бурение шельфов — ничуть не дешевле, чем добыча нефти в тайге и тундре.

Самое интересное, что в самой же книге Ф. Хилл и К. Гэдди можно найти прямой ответ на вопрос, «сколько стоит» сибирский холод. И этот ответ не столько подтверждает, сколько опровергает их тезис о больших потерях от освоения холодной Сибири.

Размышляя, «было ли советское размещение экономики в термальном пространстве действительно нерациональным», авторы «Сибирского бремени» ссылаются на интересное исследование экономистки из Университета штата Пенсильвания Татьяны Михайловой. Она применила контрфактическое моделирование исторического развития России в XX в., чтобы понять, «насколько иначе выглядела бы Россия, если бы там существовала рыночная система, а не советская система централизованного планирования»***.

Авторы «Сибирского бремени» цитируют Т. Михайлову: «Хотя мы можем с достаточной степенью уверенности сделать вывод, что советская система отклонилась от оптимального пути пространственного развития, степень отклонения будет нам неизвестна до тех пор, пока не будет найден путь, альтернативный фактическому, — вариант пространственного развития, который бы был порожден рыночными силами... Идея экспериментального моделирования проста: я использую канадское поведение в качестве отправной точки пространственной динамики в рыночной экономике, но применяю ее к российским стартовым условиям и ресурсному потенциалу» (С. 68).

По сценарию альтернативной истории Т. Михайловой в интерпретации Ф. Хилл и К. Гэдди, если бы наша страна в XX в. походила на Канаду, то ТДН России оказалась бы в 1990 г. на 1,5° выше, чем фактически в России в конце советского периода. «Так как холод имеет стоимость, структура размещения, оставленная

*** Mikhailova T. Where Russians Should Live: A Counterfactual Alternative to Soviet Location Policy. Ph.D. diss. Pennsylvania State University, 2002.

в наследство России централизованным планированием, тяжким бременем легла на сегодняшнюю экономику. Как велико это бремя?» — риторически спрашивают Ф. Хилл и К. Гэдди. Здесь возможна, по их мнению, лишь приблизительная аналогия: в США, как показывают исследования, «цена холода» составляет примерно 1–1,5% ВВП за снижение температуры на один градус. «Мы решили, — пишут авторы «Сибирского бремени», — что Россия платит, по меньшей мере, столько же, а может быть, и значительно больше, и затем соответственно подсчитали, что ее итоговые затраты составляют (Внимание! Сейчас читатель узнает нечто ужасное! — Ю. З., Ю. Л.) по крайней мере $1,5 \cdot 1-1,5 = 1,5-2,25\%$ ВВП в год» (С. 70).

Гора родила мышь. Российские экономисты хорошо знают, что для современной России 2% ВВП — это практически ошибка измерения. Ведь масштабы теневой экономики у нас оценивают в интервале примерно от 20% до 50% ВВП. Если мы избавимся от «сибирского бремени», то получим прибавку, которая почти незаметна. Такой вывод вытекает, даже если целиком и полностью согласиться с оценкой американских русологов.

Между тем соглашаться совсем не обязательно. В частности, не ясно, являются ли эти самые 1,5–2,25% ВВП оценкой чистых потерь или дополнительных валовых потерь. Не исключено, что это — дополнительные валовые потери, которые с избытком компенсируются дополнительными валовыми доходами. Вспомним слова самих авторов «Сибирского бремени»: «Предприятия *вне топливно-энергетического сектора* (курсив наш. — Ю. З., Ю. Л.) не способны получать прибыль, достаточную для того, чтобы платить высокие зарплаты, привлекающие новых работников или удерживающие наличную рабочую силу». Между тем для Сибири фундаментом экономики является именно топливно-энергетический комплекс, который, как признают сами Ф. Хилл и К. Гэдди, вполне способен получать прибыль. В таком случае ужасно холодная Сибирь вполне может в целом оказаться объектом с нейтральной или (подумать только!) с положительной чистой доходностью.

Миф о нерациональности размещения производства в Сибири. Главной идеей авторов «Сибирского бремени» является утверждение о нерациональности размещении промышленности

в Сибири. Они пишут, что «с точки зрения современных приоритетов рыночной экономики, ретроспектива российской истории показывает, что превалирующей характерной чертой советского периода было *нерациональное распределение ресурсов*. Ресурсы (в том числе и ресурсы рабочей силы) с точки зрения экономической эффективности использовались неправильно. Система выдавала не те изделия. Ее предприятия изготавливали их не так, как это следовало бы делать. Она обучала людей не тем навыкам... Хуже всего было то, что Госплан размещал предприятия и людей не в тех местах» (С. 14).

Действительно, правительство СССР размещало ресурсодобывающие производства там, где имелась сырьевая база, а она в нашей стране в основном, так уж получилось, расположена именно в климатически суровых регионах. Другими (но вряд ли доминирующими) резонами являлись военно-стратегические интересы, которые ни в одной, даже самой рыночной стране, не рассматриваются *только* с точки зрения рыночной целесообразности. Если уж сравнивать Россию с Канадой, как предлагают авторы «Сибирского бремени», то на территорию Канады никто не зарится, а вот по поводу государственной принадлежности южных районов Сибири в КНР уже полвека высказывают точку зрения, которая, скажем так, сильно отличается от российской. Да и со стороны западных границ России, увы, не все безоблачно.

Ответственность за неправильное размещение промышленности Ф. Хилл и К. Гэдди возложили на во всем виноватых большевиков. Они пишут: «Именно большевики, а не цари, сформировали современную российскую экономическую географию. Там, в Сибири, где при монархии строились крепости, селения и небольшие города, советская власть стала создавать города-гиганты с численностью жителей свыше миллиона человек» (С. 15).

Надо четко понимать, что эпохой индустриализации для России явился XX век, и кто бы не был у власти (хоть царь, хоть большевики), все равно пришлось осваивать северные и сибирские ресурсы для промышленности. Кстати, в северных и сибирских регионах при советской власти существовало только шесть городов-миллионников: Екатеринбург, Челябинск, Омск, Новосибирск, Уфа и Пермь. Для 220-миллионной страны — это капля в море. К тому же эти города являлись административ-

ными центрами соответствующих регионов, что дополнительно стимулировало их развитие. Они есть результат действия вполне объективных процессов, а вовсе не политических химер.

Полным откровением для одного из авторов рецензии, более 10 лет преподававшего историю КПСС, стало следующее высказывание: «Одним из самых курьезных идеологических обоснований промышленного планирования в Сибири была так называемая «доктрина Энгельса», согласно которой крупномасштабная промышленность должна быть «свободна от пространственных ограничений» и равномерно распределена по всей стране (С. 108). Развитие Сибири по Энгельсу — это нечто! Авторы «Сибирского бремени», похоже, всерьез считают, будто советские руководители назубок знали «Анти-Дюринг» (именно там есть слова Энгельса о размещении промышленности) и последовательно реализовывали каждую букву учения основоположников марксизма. На самом деле после «творческого развития» марксизма Лениным и Сталиным высказывания классиков использовались в СССР в основном в пропагандистских целях. Руководство страны руководствовалось собственными доктринами, под которыми Маркс и Энгельс, можно предположить, вряд ли бы подписались.

Авторы книги постоянно муссируют идею ошибочности советской индустриализации Сибири. В частности, в конце раздела с полемическим названием «Грандиозная ошибка», они пишут: «То, что попытка индустриализации Сибири была огромной ошибкой, не вызывает сомнений, если принять все сказанное по поводу уникального набора проблем, связанных с российскими размерами и холодом...» (С. 114). У кого не вызывает сомнений? Авторов «Сибирского бремени» можно понять так, будто Сибирь должна была остаться землей редких аборигенов и диких зверей. Кто бы от этого выиграл? Уж точно не Россия! Ведь хорошо известно, скажем, как вольно браконьерствовали и сплавляли местное население Дальнего Востока в конце XIX–начале XX вв. американские промышленники, как дошли до Иркутска японские войска в 1918 г. Кто бы их остановил, будь Сибирь дикой территорией?

Справедливости ради, нельзя не согласиться с выводом авторов книги о том, что «правильной реакцией на это (на тяжелые

условия труда — Ю. З., Ю. Л.) было бы применение технологий, позволяющих радикально сократить количество рабочих. Советские плановые структуры пошли другим путем. Они стремились сохранить сталинские методы массового притока дешевой рабочей силы и примитивнейшие технологии, чего невозможно добиться без принуждения» (С. 116). Но использование неверных технологий не отменяет главного — индустриализация Сибири была нужна стране и мировой экономике, ведь сейчас невозможно представить отечественное и мировое хозяйство без сибирских ресурсов. Поэтому, учтя ошибки прошлого, в наши дни следует осуществлять не *деиндустриализацию*, а *реиндустриализацию* Сибири на основе передовых малолюдных, ресурсо- и энерго- малопотребляющих технологий. К тому же удорожание добычи природных ископаемых происходит по всему миру, поэтому борьба с холодом становится все более малой проблемой (в сравнении с иными проблемами, гораздо более важными).

В связи с критикой авторами книги индустриализации Сибири совершенно непонятно, почему сейчас множество стран с вождением взирают на Арктику: там еще ничего толком не обнаружено, но политические процессы «раздела пирога» уже начались, в том числе и в США. Хотя в Арктике принципиально холоднее, чем в Сибири, да и земли там вообще нет. Очевидно, лидеры тех стран, которые планируют осваивать арктические шельфы, не знают об открытиях авторов «Сибирского бремени», что если холодно, то это убыточно. Аналогично с антарктической зоной. Ну, просто удивительно недалновидные эти государственные лидеры! Есть прямой резон заказать Ф. Хилл и К. Гэдди две новые книги — «Бремя Аляски» и «Бремя Фолклендских островов». И почему только странные американцы и британцы не стремятся избавиться от этих «обременительных» холодных земель?

Миф об очень недавнем освоении Сибири. Оказывается, Сибирь не только не представляет интереса для современной России, как кладовая полезных ископаемых, но и мысли о ней в нашей стране совершенно неправильные. «Если российское самосознание продолжит ассоциировать себя со своей бескрайней территорией и Сибирью и искать там свои корни, России будет трудно двигаться вперед. Ключевым моментом является преобразование психологическое — преобразование России фантазии

в Россию реальности, снос «потемкинской» России и преобразование России в нечто реальное» (С. 224). Встретить чудаков, ищущих в Сибири российские корни, довольно трудно, но авторам «Сибирского бремени» они, очевидно, встречались. Правда, не следует забывать, что еще новгородские купцы во времена Киевской Руси осваивали северные территории, и что русские начали присоединять Сибирь одновременно с формированием Московского царства первым русским царем. Зачем же русским предлагают стать «Иванами, родства не помнящими»? Не говоря уже о том, что в Сибири кроме русских живут и многочисленные представители многих других народов России, у некоторых из которых (скажем, якутов) корни находятся именно в Сибири.

В своем желании выстроить красивую и логичную доктрину, ее авторы часто искажают факты, фальсифицируя (или плохо зная?) историю освоения Сибири.

Чего стоит, например, такой пассаж: «Хотя Россия и установила свой суверенитет над Сибирью сравнительно давно, возраст какого-либо более или менее заметного поселения в Сибири фактически составляет всего лишь порядка столетия — дата основания 1890 год. Сибирь была лакомым куском, но дотянуться до него было трудно» (С. 92). Откуда взята именно эта дата, авторы «Сибирского бремени» не объясняют. Среди сибирских городов-миллионников близкую дату основания (1893 г.) имеет только Новосибирск, само название которого подчеркивает его исключительность.

Хорошо известно (и не только историкам), что большая часть Сибири была пройдена русскими землепроходцами еще в XVII в. (более чем три столетия назад!). Именно в это время создавались поселения, до сих пор являющиеся опорными пунктами урбанизационной сети региона. В частности, Иркутск, город у Байкала (т.е. в сердце Сибири), — не самый старое из сибирских поселений — в 2011 г. отметит свое 350-летие. Возраст Уфы (основана в 1574 г.) скоро достигнет 450 лет. Большинство же крупных городов Сибири основаны в XVIII в.: Челябинск — в 1736 г., Екатеринбург и Пермь — в 1723 г., Омск — в 1716 г. Кстати, если сравнить возраст городов Сибири с возрастом городов США, то американские города окажутся, как правило, гораздо более юными.

По поводу советской урбанизации Сибири авторы роняют другое противоречащее исторической действительности заявление: «Почти все крупные города Урала и Сибири изначально были городами ВПК — статус, продиктовавший их удаленное местоположение. Эта удаленность, в свою очередь, способствовала, вероятно, и их «несвязанности» (С. 130). Все обстояло на самом деле с точностью «до наоборот». Города Сибири (за исключением Комсомольска-на-Амуре и Биробиджана) создавались изначально для выполнения административно-экономических функций, обусловленных историческим развитием государства, а уж затем в них в разной степени появились предприятия ВПК. Сильный импульс развитию военного производства в Сибири был дан во время Великой Отечественной войны, когда, например, Челябинск, куда эвакуировали ленинградский Кировский и Харьковский моторостроительный заводы, стал буквально Танкоградом.

С чем, безусловно, можно согласиться, так это с утверждением об отсутствии тесных экономических взаимосвязей между крупными сибирскими городами. Здесь основной причиной является современная социально-политическая реальность, когда все властные и финансовые коммуникации идут через Москву. Но причиной этого недостатка являются вовсе не суровые климатические условия и большие расстояния Сибири, а традиционная для России имперская политика Центра. Налоговая политика выстроена так, что свободные ресурсы, дотации и инвестиции находятся только в Центре, а все остальные регионы выступают в виде просителей. Все это, увы, не способствует организации региональных бизнес-коммуникаций. Но в таком положении находятся не только холодные северные, но и теплые южные регионы России.

Миф о принудительном характере заселения Сибири. В первой главе «Масштабные ошибки» и в следующей «Размер имеет значение» указывается, что миграция в Сибирь была якобы инспирирована и организована государством, а потому, по мнению авторов, оно и должно вывезти людей обратно. Между тем доказательства исключительно принудительного характера заселения Сибири у авторов книги не слишком веские.

Действительно, в сталинскую эпоху Сибирь развивалась прежде всего (но отнюдь не исключительно!) за счет админис-

тративного распределения рабочей силы. (Можно вспомнить, например, что в 1974 г. строительство Байкало-Амурской магистрали было объявлено всесоюзной ударной комсомольской стройкой, вследствие чего в Сибирь приезжали массы молодых работников.) Однако в 1960–1980-е гг. уехать из Сибири было не сложнее, чем туда приехать. Причина многократных призывов в регион в том и состояла, что большинство вновь приехавших, подзаработав и отдав дань сибирской романтике, возвращалось затем обратно. И за это не предусматривалось никакого наказания или ограничения.

В 1990–2000-е гг. естественное развитие отъездных процессов, происходящих за Уралом, демонстрируя наличие оттока населения на иные территории, вовсе не привело к тотальному исходу населения. А ведь прошло уже 20 лет после ликвидации советского режима, однако большая часть населения Сибири, вступившая в активную деятельность уже в постсоветский период, продолжает жить и работать здесь же. Следовательно, для значительной части населения эта проблема вовсе не является актуальной, а организовывать насильственное выселение в никуда (хотя и более теплое) не представляется логичным с любой точки зрения.

Ф. Хилл и К. Гэдди в качестве доказательства своей концепции «краха индустриализации Сибири» указывают на сокращение роста численности населения региона уже в 1980-е гг. (С. 119). Это не так: на самом деле рост продолжался до 1992–1993 гг., и причина его прекращения — в развале СССР. Был разрушен народно-хозяйственный комплекс страны, потребность в продукции, производимой в Сибири стала сокращаться, поэтому началось сокращение числа рабочих мест. Люди уезжали из-за безработицы, а не от холода и неустройства. К тому же образование новых независимых государств на руинах Союза привело к оттоку нероссийского населения на свою историческую родину. Это — объективные социально-политические процессы, а не свидетельство неуспеха сибирского проекта. Если же мы посмотрим на современную численность реально проживающих в Сибири людей, то в сравнении с советским периодом его сокращения практически не произошло. Взамен отъезжающих (как правило, не коренных сибиряков) после начала оживления экономики стали приезжать новые рабочие из бывших советс-

ких республик и стран дальнего зарубежья. В настоящее время на территории Сибири сложилась устойчивая слабо негативная демографическая ситуация, никак не обусловленная насилием со стороны государственной власти, а определяемая свободными реально существующими социально-экономическими обстоятельствами, резко вмешиваться в которые нет резона.

Авторы «Сибирского бремени» заявляют: «Окончание эпохи советских субсидий было одним из главных факторов, послуживших причиной подобного исхода» (С. 201). Безусловно, дотации составляли один из важных механизмов управления народным хозяйством в Сибири и северных районах, но это была относительно жизнеспособная модель. Она рассыпалась не от экономической несостоятельности и вполне подлежала реформированию (о чем свидетельствует, например, опыт Китая). Но в данном случае, речь не об этом, а о том, что события конца 1980-х–начала 1990-х гг. представляли собой революционную социально-экономическую и политическую трансформацию. Была разрушена одна модель управления и корпоративного менеджмента, на смену ей пришла другая, но не сразу и не вдруг. Так как чудес в экономике не бывает, период между двумя социально-экономическими моделями чаще всего имеет катастрофический или депрессивный характер. И это никак не свидетельство невозможности эффективного хозяйствования в Сибири. Ведь аналогичная ситуация в той или иной мере наблюдалась и в теплых районах бывшего СССР, и даже в большинстве стран Восточной Европы. Субсидии есть механизм, активно используемый и в рыночной экономике (например, Западная Германия активно дотирует Восточную). Поэтому выдавать его за сущность советской экономической политики в Сибири — не корректно.

Критику «сенсационной» книги Ф. Хилл и К. Гэдди есть смысл завершить, сказав буквально два слова не об экономической истории, а об экономическом будущем нашей страны: сибирский проект — это глобальный проект для России XXI в. Пока Россия в силах его реализовать, он будет происходить под ее управлением и для ее пользы. Если Россия будет не в состоянии им заниматься, то ее соседи — Китай, Япония, США и Южная Корея — возьмут с великим удовольствием это «тяжкое и невыносимое» бремя на себя.